

УДК 316.72.4

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183

EDN NJYDGA

Специфика формирования субъекта в сетевом дискурсе

Тихонова И.Ю.

Воронежский государственный университет
Россия, 394018, Воронеж, Университетская площадь, д. 1
tikhonovaiu@yandex.ru

Аннотация. Феномен сетевого дискурса все чаще оказывается объектом современных научных исследований, однако для социальной философии данная тема до сих пор не стала предметом полноценного анализа. Это приводит к обособленности исследований виртуальной реальности и нового жизненного пространства человека и дискурсивных практик в коммуникативной среде сетевого общества. Целью данного исследования является анализ реализующихся в локальных и глобальной сетях коммуникативных актов, а также определение особенностей субъектов сетевого пространства. В результате изучения сетевого дискурса были выявлены его существенные характеристики: опосредованность техническими средствами, асинхронность, удаленный характер и асимметричность ролей взаимодействующих субъектов. Автор обращает внимание на проблематичность диалога в сетевом взаимодействии и на тенденции его трансформации в полилог. Полилогичность интеракции в контексте удаленного и опосредованного сетями взаимодействия усиливает анонимность и рассеянность образа Другого, что позволяет обратить внимание на модель поведения субъекта сетевого дискурса как высказывающегося и центрированного на себе. Это дает возможность исследовать проблему взаимодействия Я и Другого в новом формате дискурсивных практик.

Ключевые слова: сетевой дискурс, виртуальная социальность, Другой, полилог, парасоциальные отношения, постправда

Для цитирования: Тихонова И.Ю. 2026. Специфика формирования субъекта в сетевом дискурсе. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 174–183. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183 EDN: NJYDGA

Specificity of the Subject Formation in Network Discourse

Irina Yu. Tikhonova

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
tikhonovaiu@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of network discourse is increasingly becoming an object of modern scientific research and discussion. Indeed, the communicative act realized in local and global networks differs from other discursive practices since it is mediated by technical means and is asynchronous and remote in its nature. However, these specific features also give rise to other properties of network interaction that are of great interest to social philosophy, namely, changes in the image and role of subjects of network discourse. In addition, this transformation of the relationship between the addresser and the addressee, between the Self and the Other becomes decisive for the formation of virtual sociality, which has become widespread in modern society. Although the specificity of network discourse has been sufficiently studied by linguists today, this topic has not yet become the subject of a full-fledged analysis for social philosophy. This leads to the isolation of studies of virtual reality and the new living space of man, on the one hand, and discursive practices in the communicative environment of the network society, on the other. In this regard, the article is focused on studying the characteristics of subjects implementing communicative acts in the network space. As a result of the analysis of network discourse, the author identifies its essential characteristics, addresses the asymmetry of the roles of interacting subjects, reveals

the problematic nature of the transformation of dialogue into a polylogue and identifies the negative characteristics of the latter. The polylogic nature of interaction in the context of remote and network-mediated interaction enhances the anonymity and scatteredness of the image of the Other, which does not allow to overcome the model of behavior of the network discourse subjects as speaking and centered on themselves.

Keywords: network discourse, virtual sociality, the Other, polylogue, parasocial relations, post-truth

For citation: Tikhonova I.Yu. 2026. Specificity of the Subject Formation in Network Discourse. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 174–183 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183 EDN: NJYDGA

Введение

Чем большее распространение получает в современном обществе взаимодействие людей в медиа пространстве, тем внимательнее мы начинаем относиться к особенностям коммуникативных практик, осуществляемых в глобальных и локальных сетях. Исследование данного типа взаимодействия необходимо не только в связи с расширением и интенсификацией опосредованной интеракции в информационной среде, но и вследствие влияния сетевого дискурса (коммуникации людей посредством глобальной сети Интернет и локальных сетей) на характер существования человека в новом пространстве виртуальной социальности и на офлайн коммуникации.

Сегодня в научной среде феномен сетевого дискурса привлекает пристальное внимание лингвистов, среди работ которых хотелось бы отметить исследования И.С. Алексеенко и О.Ю. Гукосьянц [2014], Н.Д. Голевой [2021], Е.П. Ильина [2014], С.В. Ионовой [2016], Е.С. Кубряковой [2003], О.В. Соколовой [2014]. Но данный феномен требует и социально-философского анализа, который позволит понять, каковы особенности взаимодействия между Я и Другим в информационном пространстве, как строится виртуальная коммуникация с точки зрения самопрезентации субъектов в виртуальной социальности, какое значение имеет Другой для участника виртуального взаимодействия и насколько его роль является конституирующей образ этого участника.

Специфика сетевого дискурса

Сетевой дискурс осуществляется в интерактивной среде, формируемой чаще всего посредством сети Интернет. Он обладает отличительными особенностями, а именно: стандартизацией (сетевой дискурс ориентирован, прежде всего, на информационно-значимые, понятные и актуальные данные, которые будут приняты аудиторией в качестве интересных событий реальности), анонимностью, предполагающей снижение личной ответственности за результат влияния сообщения на Другого, заражаемостью, эмоциональностью восприятия реальности, асинхронностью, свободой самовыражения, связанной с неинституциональностью общения и неперсонифицированным характером собеседника. Последнее особенно ярко проявляется в установке на восприятие собеседника как равного по статусу именно в связи с его анонимностью, а скорее с необязательностью придания ему определенных характеристик. Сеть не иерархична, не требует прояснения образа обезличенного оппонента, что обуславливает снятие коммуникативных барьеров, нивелирование социальных норм и свободное самопредставление, демонстрирующее только желательное для самовыражающегося субъекта поведение и ориентацию на признание со стороны других участников коммуникации. Сетевое взаимодействие не определяется правилами первичного онтологического пространства, а новая этика виртуального ситуативна. Она позволяет руководствоваться субъективными предпочтениями индивидов, ценностями сетевого сообщества либо поставленной субъектом задачей и соответствующих потребностям адресатов требований, приемлемых в созданной медиа картине мира. В конечном счете, личная ответственность за высказывания и понимание границ Другого в сетевом дискурсе

дополняются практикой канселинга, связанного с исключением оппонента из акта коммуникации в случае невозможности дальнейшего взаимодействия на выбранных субъектом условиях.

В сетевом дискурсе увеличивается степень свободы участников в возможности выбирать точку зрения, защищать свои интересы, ориентируясь в большей степени на интерессубъективные нормы того сообщества, в рамках которого складывается взаимодействие, а не на нормы социальной реальности. Нам представляется уместным говорить о постепенном конструировании социального в виртуальном пространстве в качестве особого фрагмента, соответствующего потребностям и желаниям определенных субъектов. Сам субъект во многом определяется тем контентом, который он создает в цифровом пространстве.

Важное значение в создании непротиворечивой картины мира, соответствующей потребностям адресатов, играет мультимодальность сетевого дискурса, в котором коммуникативный акт реализуется не только через печатный текст, но может быть дополнен воздействием на различные органы чувств человека. Вспомним высказывание Ролана Барта: «Фотография же безразлична по отношению к любым посредствующим звеньям, она ничего не изобретает, она — это само утверждение подлинности... Любая фотография — это сертификат присутствия» [Барт, 2011, с. 153].

Мультимодальный способ представления информации позволяет принять описываемые события в качестве подлинных. А. Н. Фортунатов так характеризует роль визуального в виртуальном конструировании жизненного пространства: «Визуальность — это способ формирования мифа, который, в свою очередь, не может не быть визуализированным образом, внятной картинкой, подразумевающей однозначность встречных эмоциональных реакций» [Фортунатов, 2022, с. 46].

Подобное представление реальности в сетевом взаимодействии меняет не только восприятие мира, но и Других. С одной стороны, цифровое пространство плюрально, мышление человека многомерно, а потому возрастает возможность критически оценивать поступающие данные. С другой стороны, наблюдается все большая персонализация контента, который формируется с учетом личных предпочтений индивида, его запросов, комментариев, что снижает критичность восприятия информации, поскольку, чем более она согласуется с картиной мира человека, тем более подлинной представляется. Немаловажными для создания уверенности в действительности становятся дипфейки, видеоизменяющие данные в зависимости от целей воздействия на аудиторию и визуализирующие смысл. Однако широко распространенным становится феномен, демонстрирующий притягательность дипфейков для человека. Даниэль Цитрон и Роберт Чесни описывают парадокс «дивиденды лжецов» [Chesney, Citron, 2018], суть которого заключается в том, что реальные факты в наполненном симулякрами пространстве зачастую квалифицируются субъектом как фейковые, если противоречат убеждениям этого субъекта. Действительно, люди склонны верить фактам, которые соответствуют их убеждениям, и зачастую игнорируют информацию, которая им противоречит. Этот феномен лишней раз иллюстрирует ситуацию, в которой многие пользователи не готовы критически анализировать разнородную информацию, отбрасывая все то, что вступает в противоречие с теми знаниями, которые значимы для них. Аналогично, и Другой в своей инаковости может быть воспринят угрожающе: «всякая инаковость возмущает», — пишет М. Эпштейн [Эпштейн, 2023, с. 247]. В виртуальном взаимодействии субъект создает нарратив, являющийся отражением его концептуального представления о мире, в этом смысле любой текст рассматривается в контексте значимых для субъекта смыслов. И здесь, на наш взгляд, цифровое пространство является в большей степени отвечающим субъективным предпочтениям акторов, нежели социальная реальность. Общение в социальных сетях позволяет индивиду найти пространство для самоопределения, отвечающее его запросам, и через принятие правил и моделей взаимодействия,

характерных для сообщества, обрести виртуальную солидарность взамен утраченной или несформированной реальной. Особое значение в сетевом взаимодействии приобретает фреймирование, позволяющее ограничить коммуникацию через установление смысловых рамок. Именно фреймирование помогает представить одни и те же факты в аспекте их видения автором текста, придавая им необходимый смысл для правильного (с точки зрения субъекта коммуникации) понимания ситуации и ее принятия. Заменяя текстовые данные короткими видеосообщениями (примером могут выступать круглые видео в Telegram, WhatsApp или голосовые сообщения в мессенджерах), субъект создает событие, а не информацию о нем, что позволяет принять его в качестве очевидного и непротиворечивого. «Картинка становится формой необеспеченного аргументами императива в отношении социума. Императива, который самим фактом своего появления уже является незыблемым аргументом, не требующим, как прежде, идентификации, вопрошания, осмысления», - пишет А. Н. Фортунатов [Фортунатов, 2022, с. 45].

В сетевом дискурсе достоверность факта обусловлена его видимостью и включенностью в медиа пространство. Соответствие объективной реальности более не является значимым для потребителя информационного контента. Объективность трудноуловима в условиях все нарастающего информационного массива и способов его технологической обработки. Гораздо важнее оказывается выбор канализирующего информацию субъекта, функциями которого являются формирование настолько реального события, которое бы не предполагало возможность недоверия, создание эффекта непосредственного присутствия в предлагаемом событии через эмоциональную вовлеченность. Визуализация смысла через видеосообщение или его представление в имеющем непосредственный характер аудиосообщении, описывающем мир «здесь и сейчас», позволяет создать такой сюжет, который вызовет предсказуемую реакцию. Именно в данной связи актуальным становится феномен постправды, в соответствии с которым субъект не стремится найти соответствие между собственными знаниями или предлагаемой ему информацией и реальным положением дел, а довольствуется ощущением реальности события, за счет его значимости для собственной субъективности. Интересны в данной связи слова Сэма Брауза: «Я знаю, какого придерживаюсь мнения, и не надо сбивать меня с толку фактами» [Брауз, 2020, с. 386]. Распространение постправды связано с особенностями аргументации в социальных сетях: увеличением фейков, использованием образов для передачи информации и коротких текстов, ориентацией на популярные мнения: эмоциональной вовлеченностью коммуникантов. Информация должна включаться в имеющиеся смысловые основания реципиентов, быть приемлемой для них и адекватной их запросу, быть социально и ценностно значимой и не расшатывать сформированную у них ранее картину мира.

Формирование субъекта в сетевом дискурсе

Одним из способов формирования субъекта в информационном пространстве являются парасоциальные отношения. Они основаны на восприятии поведения инфлюенсера как образца для подражания. В этой «фиктивной коммуникации для воспринимающего информацию человека, мнение которого не представляет интереса для персоны» [Тихонова, Кравец, 2022, с. 42], персоной становится создатель текста, на основе которого реализуется дискурсивная практика. Однако она достаточно ограничена ввиду того, что развивается в желательном для автора направлении. Парасоциальность устраняет необходимость в понимании и принятии чужой позиции, выводя на первый план собственные притязания персоны. Псевдосоциальный характер такого взаимодействия обусловлен тем, что целью сетевой коммуникации становится управляемое самопредставление. Субъект взаимодействия главным образом ориентируется на себя, а не на Другого, а потому исключает этого Другого при малейшем противостоянии последнего. Такой тип взаимодействия популяризируется в информационном пространстве и закрепляет модель ограничения себя рамками своей

реальности, в которой Другой становится пассивным и анонимным слушателем. Асимметричность парасоциальных отношений делает субъекта фиксированным на себе, не заинтересованным в полноценном диалоге с Другим.

Асимметрия в сетевом взаимодействии во многом связана с природой виртуального пространства. Оно иммерсивно, позволяет субъекту погрузиться в искусственно созданную среду, перейти от пассивного участия к активному, стать автором истории, подстроить ее под свои характеристики, а, следовательно, редактировать реальность, трансформируя пространство коммуникации в соответствии со своим опытом. Такая архитектура виртуальности приучает человека к выстраиванию своего взаимодействия аналогичным образом. Однако необходимо понимать, что полноценное общение, как в реальном социальном пространстве, так и в цифровом, должно обладать значимостью для всех участников, а потому человек должен стремиться не только к высказыванию своей позиции, но и к принятию позиции Другого, иначе интеракция утрачивает цель. Здесь необходимо отметить особенность сетевой коммуникации, цели которой неоднозначны. Она может претендовать на достижение истины, как это было в классической логике («Дело же знающего — каждый раз, сопоставляя одно с другим, говорить правду относительно того, что он знает, и уметь уличать лжеца. А это означает, с одной стороны, уметь высказывать свои доводы, а с другой — выслушивать другие» [Аристотель, 1978, с. 1]), либо следовать целям прагматической диалектики с ее ориентацией на согласие как цель взаимодействия между участниками аргументативного процесса («Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]).

Важную роль сетевое взаимодействие играет в делиберативных практиках, предоставляя индивидам возможность непосредственно участвовать в обсуждении проблем и принятии решений. Цифровое пространство снимает характерные для реального пространства ограничения, позволяя из любой точки мира в режиме реального времени включаться в коммуникацию. Более того, сетевая структура позволяет общаться на равных, минуя иерархии, характерные для офлайн коммуникаций, не допускать принуждения к взаимодействию, нивелировать различия, очевидные для социальной реальности. На наш взгляд, на консенсус в большей степени ориентированы те участники сетевого дискурса, которые заинтересованы в публичном обсуждении проблемы с целью принятия решения и для которых характерен общий взгляд на проблему. Дополнительными факторами является наличие общих целей, единых профессиональных ориентаций, фундаментальных ценностных установок и сходных взглядов на мир. Это позволяет им учесть позицию других участников коммуникации, согласовать поля аргументации, снизить субъективные притязания на преимущество своей точки зрения и минимизировать эмоциональный фактор. При данных обстоятельствах взаимодействие в цифровом пространстве упрощает коммуникацию и способствует установлению взаимопонимания.

Если взять за основу спонтанно образующиеся в цифровом пространстве группы, то они не имеют оснований для консенсуса на основе солидарности, поскольку не институциональны и не обладают общими характеристиками. А потому достижение согласия возможно через подражание и идентификации на основе сходства внешних характеристик, поведенческих паттернов, общественного мнения. Кроме того, в определении позиций таких участников важную роль играет конфликт, позволяющий через столкновение точек зрения выявить те стереотипы, которые оказывают влияние на мнения индивидов, и продемонстрировать действительные отличия и основания, на которых они выстраиваются. Здесь достижение согласия не является самоцелью, однако, возможно после формулировки своей позиции и согласования ее с позицией Другого. В данном случае, оправдание своих взглядов через конфликт сторон является способом легитимации субъектности. Так, Ю. Хабермас рассуждает о том, что коммуникативное овладение конфликтами является единственным источником солидарности среди

незнакомых друг другу людей, а потому отсутствие ориентации на достижение согласия не отменяет важность установления контакта, определения проблемы и обмена эмоциями в процессе общения [Хабермас, 1996, с. 308].

Горизонтальное взаимодействие в сети, свободное от влияния властных субъектов, также способствует актуализации субъекта как высказывающейся фигуры. Ориентируясь на свои собственные интересы и ценностные ориентации, опираясь лишь на личное мнение, субъект превращает диалог, который чреват несогласием и представлением оппонентом иной точки зрения, в монолог и демонстрацию своего Я. Когда роль субъекта сетевого взаимодействия сводится в большей степени к самовыражению, ни Другой, ни его позиция не являются ключевыми и осмысленными. Другой поэтому представлен исключительно с позиции воспринимающего, нежели истинного и полноправного участника коммуникации. В такой ситуации мы говорим об аудитории как о реципиенте, позиция которого представлена в качестве фактически воспринимающего объекта, вне контекста его социально-психологических, интеллектуальных и иных характеристик. Более того, для субъекта сетевого дискурса нет необходимости в выстраивании образа воспринимающей его аудитории и стремлении этому образу соответствовать для более эффективного воздействия, если речь идет о том, чтобы заявить о себе и своей позиции окружающим. М. Эпштейн очень метко характеризует такого виртуального субъекта: «Люди окукливаются в своих электронных оболочках» [Эпштейн, 2023, с. 247].

Важным вопросом в анализе сетевого дискурса является выявление высокой степени его деструктивности, также являющейся следствием нивелирования фигуры Другого. Отсутствие стремления к пониманию, к установлению компромисса и достижению согласия (как уже было сказано выше) детерминируют агрессию как способ манипуляции и демонстрации субъектом своей позиции. Уклонение от стремления к конформному взаимодействию, от толерантности и выраженного стремления к эскалации конфликта выражается в последовательности действий, повышающих конфликтность взаимодействия.

Использование в речи конфликтогенов позволяет усилить уровень агрессии между участниками коммуникации, что является видимым свидетельством несогласия с позицией Другого. Анонимность сторон и отказ от попытки понять точку зрения Другого инициирует процедуру «домысливания» за оппонента и приписывания ему тех идей и позиций, которые он не разделяет. Навязывание готовых ответов, негативной оценки ситуации, неуместность и некорректность задаваемых вопросов, лексическая стигматизация свидетельствует о нивелировании оппонента как субъекта коммуникации и придании ему статуса объекта. Важно иметь в виду тот факт, что агрессивный характер взаимодействия ориентирован на усиление разделения позиций участников на Своих и Чужих. Стигматизация иного как механизм любой культуры усиливается в современном обществе нетерпимостью к чужому мнению. Это является следствием присущей информационному пространству тактики отбора информации, о которой было упомянуто выше. Большое количество информации и скорость ее устаревания обуславливают необходимость адекватного поиска значимой для субъекта информации, что фактически является способом его адаптации к информационной среде. Это позволяет в ситуации дефицита времени и рассеянных данных ориентироваться только на необходимое и бесспорное с точки зрения субъекта. Именно это толкает субъекта к исключению из поля своего восприятия точек зрения, противоречащих его собственной. Использование дезинтегретов, отрицательно маркированных слов, позволяет выделить круг Чужих из собственного пространства существования и усилить собственное доминирование в своем пространстве. Важно отметить тот факт, что в сетевом дискурсе взаимодействие опосредовано техническими средствами, а потому чаще всего асинхронно. Даже при условии непосредственной включенности во взаимодействие и максимально быстром реагировании на сообщения других пользователей, сетевой дискурс оказывается в меньшей степени аффективно определен, нежели реальное общение, в котором

непосредственная связь с адресатом не позволяет тщательно обдумывать реакции. Это дает возможность считать агрессию в сетевом взаимодействии рационально выбранной и преднамеренной стратегией, поскольку человек обладает ресурсами для отложенной и осмысленной реакции. В связи с этим, агрессия нами рассматривается как стремление к доминированию, провокации ответной агрессии со стороны адресата и инициирование негативного характера взаимодействия, благодаря которому становится легче манипулировать эмоционально нестабильным субъектом.

Далее, нельзя забывать, что современное общество чрезмерно индивидуалистично, и сетевое взаимодействие усиливает этот индивидуализм многократно, нивелируя в виртуальном пространстве те нормы и ценности, которые закреплены и легитимированы в реальности социумом. Фрагментация общества, его аксиологическая мозаичность способствуют изоляции индивидов в границах личной позиции. Сетевой дискурс позволяет идентифицировать схожие модели мировосприятия и сформировать сообщество, в независимости от удаленности субъектов пространстве и времени. Именно поэтому коммуникация в цифровом пространстве предоставляет индивиду неограниченные возможности для самоидентификации. Реализуя себя в демонстрации своей позиции, человек не опирается на те значимые институты и их предписания, которые его ограничивают в реальной коммуникации. Таким образом, реализация себя в сетевом взаимодействии становится аналогом социального действия, демонстрирующего образ Я, его позицию и интегрирующего повседневность с точки зрения выбранной позиции. Возможность выбирать информацию, действовать в соответствии с ней персонифицирует позицию субъекта и позволяет достичь равноправия участниками коммуникации. Но, в то же время, это стимулирует человека к замыканию на самом себе. Другой при этом либо соответствует моему взгляду, либо удаляется из моего пространства. Виртуальность становится не столько новой реальностью, сколько выражением моего видения этой реальности. Поскольку мы выбираем только тот фрагмент, который соответствует нашим желаниям и представлениям. Так В. В. Миронов писал об этой избирательности сетевого субъекта: «он как бы локализует свое индивидуальное коммуникационное пространство и благодаря новейшим технологиям может его конструировать, самостоятельно решая, кого он хочет, а кого не хочет туда допускать» [Миронов, 2019, с. 10]. Аналогичное понимание современного коммуникативного процесса в информационном пространстве мы находим у Б. Гройса. Он пишет: «люди все сильнее обособляются, создавая свои интернет-комьюнити... каждый хочет написать — никто не хочет ничего прочесть, каждый хочет выставить — никто не хочет ничего смотреть. Есть продуцирование — но нет ни зрителя, ни читателя» [Гройс, 2018].

Особенности взаимодействия субъектов в полилоге

Важной особенностью сетевого дискурса является его полилогичность — возможность одновременного взаимодействия между несколькими участниками коммуникативного процесса. В полилоге субъект попадает в коммуникативную среду, представленную многообразными точками зрения. С одной стороны, это стимулирует к выработке конвенций для успешного общения и устранения конфликта. Так, Е.М. Иванова связывает переход к полилогичному общению с необходимостью погружения в мир Другого, отличного от субъекта: «Становление полилога как социально-философского явления подкрепляется тем обстоятельством, что существующие социальные миры в процессе коммуникации значительно расходятся друг с другом, и перед субъектами встает проблема неконфликтного, толерантного сосуществования» [Иванова, 2009, с. 40].

С другой стороны, полилог увеличивает опосредованность между собеседниками, а асинхронность коммуникативных реакций приводит зачастую к путанице в тексте, к ответам на те аргументы и доводы, которые уже не являются актуальными. Более того, рассеивание образа оппонента ведет к тому, что высказывающийся чувствует себя

защищенным от реакции Другого не только во времени и пространстве, но и возможной поддержкой анонимных собеседников. Увеличение числа субъектов, участвующих в создании и развитии текста часто ставит каждого участника в эгоцентрическую позицию, в которой реализуется собственная представленность Другим.

Анализ сетевого дискурса позволяет говорить об изменении привычных способов взаимодействия субъектов. Цифровое пространство предоставляет широкие возможности для коммуникации и для формирования собственного образа, дает возможность субъектам перейти от пассивного потребления информации к ее активному производству и увеличивает степень ответственности субъектов за создание информационного продукта. Высокая активность субъектов взаимодействия и их ответственность за качество производимого контента позволяет создавать коллективный интеллектуальный продукт. В данном случае субъекта цифрового пространства характеризует не только вклад в творческий процесс, но и степень соучастия в формировании виртуальных сообществ. На наш взгляд, установление консенсуса и принятие Другого в сетевом дискурсе возможно только тогда, когда сообщество ориентировано на сохранение отношений, необходимых для образования прочной основы для дальнейших социальных действий и формирования социальной солидарности. Имеет значение то, пытается ли субъект изменить и деформировать пространство Другого или, стремится к созданию общего коммуникативного пространства с Другим, воспринимая его возможный активный вклад в социальное действие. Только в последнем случае возможно установление конвенций и придание Другому статуса действительного участника коммуникации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать ряд выводов. Для формирования субъекта важнейшими являются следующие особенности сетевого дискурса: ориентация на принятые в значимом сетевом сообществе позиции относительно реальности, анонимность, позволяющая акцентировать внимание только на необходимых в конкретных коммуникативных практиках характеристиках субъекта, свобода самовыражения, возможность самоидентификации через нарратив, равноправие участников. Мультиmodalность, фреймирование и персонализация сетевого дискурса позволяют субъекту конструировать свой образ и модель реальности на основе значимых для него событий и смыслов, приписывая статус подлинности тем фактам, которые не противоречат его картине мира. Цели сетевой коммуникации обусловлены характером взаимодействующих субъектов. В делиберативных практиках участники ориентируются на достижение согласия в ходе обсуждения проблем и принятия решений. В спонтанно формирующихся сообществах консенсус не всегда является целью взаимодействия, в таком случае субъект стремится выразить свое Я через нарративные практики, исключая всякую возможность инаковости о стороны Другого. Важной целью сетевого дискурса является формирование собственной позиции индивида, что может быть реализовано через конфликт, как способ субъекта заявить о своих взглядах и осмыслить их в ходе отстаивания. Роль Другого представляется конституирующей образ субъекта сетевого дискурса. В ситуации отсутствия внешних авторитетов, имевших важное значение в социальной реальности, и разрушения образа значимого Другого в плюральном цифровом пространстве даже анонимный Другой в сетевом дискурсе оказывается значимой фигурой, в отношении которой выражает себя и стремится к признанию субъект. Несмотря на то, что в отношении Другого могут быть использованы деструктивные методы, в частности, агрессия, позволяющая манипулировать Другим и демонстрировать свою позицию, тем не менее, самопрезентация всегда ориентирована на возможность Я быть услышанным. В сетевом дискурсе важное значение приобретает полилог, в котором субъект вынужден взаимодействовать с различными индивидами, что требует рационализации своей позиции, необходимости осмысления возможных стратегий взаимодействия в отношении

занимающих плюральные позиции субъектов. Именно полилог способствует формированию общего смыслового пространства между Я и Другими, а установление отличий между коммуникантами позволяет легитимировать их позиции и признать их право на инаковость.

Список литературы

- Алексеев И.С., Гукосьянц О.Ю. 2014. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности. *Политическая лингвистика*, 4(50): 193–202.
- Барт Р. 2011. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. М., Ад Маргинем Пресс, 272 с.
- Брауз С. 2020. Между правдой, искренностью и сатирой. В кн.: Ванн ден Аккер Р. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и глубина после постмодернизма*. М., РИПОЛ классик: 386–418.
- Грайс Г.П. 1985. Логика и речевое общение. В кн.: Городецкий Б.Ю. (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. 16. М., Прогресс: 217–238.
- Гройс Б. 2018. Текущее искусство, ответственные люди и камеры в унитазе: интервью с философом и искусствоведом Борисом Гройсом. URL: <https://knife.media/groys-interview/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Иванова Е.М. 2009. Полилог как тип диалога в современном обществе: интервальный подход. *Вестник Томского государственного университета*, 327: 40–41.
- Ильин Е.П. 2014. Психология агрессивного поведения. СПб., Питер, 368 с.
- Ионова С.В. 2016. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание*, 15(3): 6–16.
- Кубрякова Е.С. 2003. О типах дискурсивной деятельности. *Вестник МГЛУ*, 478: 5–10.
- Миронов В.В. 2019. Платон и современная пещера big-data. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(1): 4–24.
- Соколова О.В. 2014. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М., Гнозис, 304 с.
- Тихонова И.Ю., Кравец А.С. 2022. Парасоциальные отношения в современном мире. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 1: 41–49.
- Фортунатов А.Н. 2022. О границах современного кибергуманизма. *Вопросы журналистики*, 11: 42–53.
- Эпштейн М. 2023. От Библии до пандемии: Поиск ценностей в мире катастроф. М., Пальмира, 376 с.
- Chesney R., Citron D. 2018. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. URL: <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J> (дата обращения: 20.03.2025).
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA, The MIT Press, 674 p.

References

- Alekseenko I.S., Gukos'yants O.Yu. 2014. Spetsifika internet-oposredovannoi kommunikatsii i fenomen virtual'noi yazykovoii lichnosti [Specifics of Internet-Mediated Communication and the Phenomenon of Virtual Linguistic Personality]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(50): 193–202.
- Bart R. 2011. *Camera lucida*. Kommentarii k fotografii [Camera Lucida. Comment on Photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 272 p.
- Brauz S. 2020. Mezhdou pravdoy, iskrennost'yu i satiroy [Between Truth, Sincerity and Satire]. In: *Van den Akker R. Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik: 386–418.
- Grajs G.P. 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Speech Communication]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue 16. Moscow, Progress: 217–238.
- Groys B. 2018. Tekuchee iskusstvo, otvetstvennyye lyudi i kamery v unitaze: interv'yu s filosofom i iskusstvedom Borisom Groysom [Fluid Art, Responsible People and Cameras in the Toilet: Interview with Philosopher and Art Critic Boris Groys]. URL: <https://knife.media/groys-interview/> (accessed: 20.03.2025).
- Ivanova E.M. 2009. Polilog kak tip dialoga v sovremennom obshchestve: interval'nyi podkhod [Polylogue as a Type of Dialogue in Modern Society: An Interval Approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (327): 40–41.

- И'ин Е.П. 2014. Psikhologiya agressivnogo povedeniya [The Psychology of Aggressive Behavior]. St. Petersburg, Piter, 368 p.
- Ionova S.V. 2016. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informatsionnykh tekhnologii [Linguistics of New Linguistic Consciousness and Information Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie*, 15(3): 6–16.
- Kubryakova E.S. 2003. O tipakh diskursivnoi deyatelnosti [On the Types of Discursive Activity]. *Vestnik MGLU*, 478: 5–10.
- Mironov V.V. 2019. Platon i sovremennaya peshchera big-data [Plato and the Modern Big Data Cave]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 35(1): 4–24.
- Sokolova O.V. 2014. Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeistviya: poeticheskii avangard, reklama i PR [Typology of Discourses of Active Influence: Poetic Avant-Garde, Advertising and PR]. Moscow, Gnozis, 304 p.
- Tikhonova I.Yu., Kravets A.S. 2022. Parasotsial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial Relationships in the Modern World]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 1: 41–49.
- Fortunatov A.N. 2022. O granitsakh sovremennogo kibergumanizma [On the Boundaries of Modern Cyberhumanism]. *Voprosy zhurnalistiki*, 11: 42–53.
- Epshtein M. 2023. Ot Biblii do pandemii: Poisk tsennostei v mire katastrof [From the Bible to the Pandemic: The Search for Values in a World of Disasters]. Moscow, Pal'mira, 376 p.
- Chesney R., Citron D. 2018. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. URL: <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J> (accessed: 20.03.2025).
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA, The MIT Press, 674 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Received March 28, 2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Revised May 28, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонова Ирина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия.

Irina Yu. Tikhonova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Voronezh State University, Voronezh, Russia.